

Дружинина Юлия Викторовна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет, druzok5111@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2131-4466, Новосибирск

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Аннотация. Проблема и цель. Актуальность исследования обусловлена отсутствием специальных научных работ, посвященных изучению вопроса об идентичности сельской интеллигенции Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.

Цель статьи – охарактеризовать образовательно-просветительскую деятельность как проявление идентичности сельской интеллигенции Западной Сибири на рубеже веков.

Методология исследования базируется на теории идентичности, разработанной психологом Г. Тэджфелом, П. Бергером и Т. Лукманом, позволяющей определить механизм формирования и проявления идентичности в образовательно-просветительской деятельности сельской интеллигенции.

В заключении отмечено, что во время осуществления просветительской деятельности сельские интеллигенты стремились воплотить на практике свои идеи служения обществу через активность, направленную на повышение культурного уровня населения сельской местности Западной Сибири. Кроме того, именно во время образовательно-просветительской активности сельские интеллигенты вступали во взаимодействие друг с другом, осознавали себя особой социальной общностью, одной из приоритетных задач которой является не только распространение грамотности, но и медицинское, санитарно-гигиеническое, сельскохозяйственное просветительство. Автор делает вывод, что образовательно-просветительская деятельность являлась одним из проявлений идентичности исследуемой социальной группы, но в целом идентичность сельской интеллигенции Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. еще находилась в процессе формирования.

Ключевые слова: сельская интеллигенция, идентичность, образовательно-просветительская деятельность, образование, медицинское, санитарно-гигиеническое и сельскохозяйственное просвещение.

Постановка задачи. Обращение к истории развития образования в сельской местности Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. актуально, так как российское образование в настоящее время претерпевает очередную трансформацию. Для более эффективного решения современных актуальных вопросов образовательно-просветительского характера, на наш взгляд, следует учитывать опыт сельских интеллигентов Западной Сибири. Изучение образовательно-просветительской активности интеллигенции в сельской

местности актуально и в связи с обращением к вопросу об идентичности изучаемой общности, так как этот вопрос до сих пор остается неизученным. Таким образом, цель нашей работы – охарактеризовать образовательно-просветительскую деятельность как проявление идентичности западносибирской сельской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в.

Хронологические рамки исследования – 1880–1914 гг. Исходной точкой являются открытие Томского университета и строительство Транссибирской железной

дороги. В это время принимаемые государственными властями меры по увеличению количества образовательных учреждений в Западной Сибири были малоэффективными. Такая ситуация способствовала активизации деятельности интеллигенции в этом направлении. Рубежным в связи с началом Первой мировой войны стал 1914 г. В условиях военных событий наблюдалась переориентация внимания интеллигенции на нужды военного времени, снизилась активность интеллигентов в области образовательно-просветительской деятельности.

Основными источниками нашего исследования стали неопубликованные архивные документы, материалы периодической печати, художественные произведения.

Научная экспозиция, введение в проблему. Сегодня существует огромный пласт исследовательских работ, посвященных изучению отдельных аспектов образовательно-просветительской активности сельской интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. в Западной Сибири, созданный исследователями в досоветский, советский и современный период развития исторической науки [6]. Вопрос об идентичности российской интеллигенции также неоднократно привлекал внимание ученых [22; 9–10; 13; 17; 21]. Однако в настоящее время нет устоявшегося понимания о том, что такое «идентичность», «идентичность интеллигенции», что делает наше исследование актуальным.

В своей работе мы опираемся на понятие идентичности, предложенное психологом Г. Тэджфелом. Автор отмечает, что любому человеку, чтобы ощущать свою целостность и ценность, необходимо соотносить себя с какой-либо группой. По его мнению, параллельно с этим процессом возникает и межгрупповая дифференциация [23]. Исследователи П. Бергер и Т. Лукман говорят о том, что формирование идентичности индивида базируется на вторичной социализации. Именно в процессе вторичной

социализации человек готов придерживаться определенных социальных правил, занимать определенный социальный статус, идентифицировать себя с конкретной социальной группой, выполнять определенные социальные роли, осуществлять социальное участие, но при этом, сохраняя свою индивидуальность, быть признанным этой социальной общностью [1]. Обращение к трудам Г. Тэджфела, П. Бергера и Т. Лукмана позволяет выявить проявление идентичности сельских интеллигентов в процессе осуществления ими образовательно-просветительской деятельности, а также выделить их из сельского общества в особую социальную общность, но при этом относить к интеллигенции не только региона, но и России.

Исследовательская часть. В источниках зафиксировано, что приоритетными для сельской интеллигенции были те виды деятельности, которые способствовали поднятию духовного и культурного уровня западносибирских крестьян. Просветительство для учительства и духовенства нередко являлась продолжением их профессиональной активности. Ученый Ю. Аошима констатирует, что просветительство воспринималось российским учительством как средство по улучшению положения большинства населения страны. Учителя относили себя к обособленной общественной группе, главная задача которой состояла в воспитании народа [22]. Для духовенства, по мнению исследователя Л. Мончестер, просветительство в свободное от работы время также являлось продолжением профессиональной деятельности, исполнением долга «просвещать народ» [9, с. 282]. Для других же представителей сельской интеллигенции (медицинского, аграрного, ветеринарного персонала, писарей) просветительство, судя по данным источников, позволяло удовлетворять личные мотивы, нередко совпадающие с ценностями учительства, духовенства, а также интеллигенции западносибирского региона

и России в целом. В художественном произведении писателя Е. Пермитина, работавшего некоторое время в деревне учителем, зафиксировано, что учить крестьянских детей – благородная миссия. В автобиографическом произведении автор отмечает, что многие молодые люди успешно учились и занимались самообразованием, чтобы поехать в сельскую местность работать педагогами, медицинскими работниками, агрономами, начать заниматься там просветительством, так как «темный деревенский народ», по их мнению, ждал, когда образованная часть общества передаст им знания [11, с. 254, 296, 434]. Предположим, что подобная ситуация определяла образовательно-просветительскую деятельность как приоритетную в активности сельской интеллигенции, способствовала формированию идентичности ее представителей.

Материалы источников свидетельствуют, что образовательно-просветительская деятельность сельского учительства позволяла им удовлетворять познавательные потребности сельских жителей, а также в процессе организации мероприятий просветительского характера ощущать свою внутригрупповую сплоченность. Так, в газете «Алтайская жизнь» отмечают, что сельские интеллигенты станицы Чарышской Змеиногорского уезда в 1911 г. во время рождественских праздников организовали серию спектаклей, маскарад. Один из спектаклей был поставлен с участием «приезжей интеллигенции» из Тулатинского поселка. В источнике нет упоминания о том, что в качестве актеров привлекали крестьян, а подчеркивается, что автору приятно отметить, что сельская интеллигенция способна сплотиться для решения актуальных для деревни проблем [19]. Публикации подобного характера встречаются многократно в периодических изданиях.

Образовательно-просветительская деятельность интеллигентов, в рамках которой они вступали во взаимодействие друг с другом, была связана с открытием в де-

ревнях (если были для этого условия) яслей и школ. Интеллигентами, объединявшими свои усилия, осуществлялся сбор денег для приобретения учебных принадлежностей; велась работа по устройству библиотек [6].

Источники свидетельствуют, что сельская интеллигенция воспринималась властями как общность, обладающая знаниями в области медицины, гигиены, санитарии. Так, в протоколе заседания поездного съезда сельских врачей Тобольского уезда, состоявшегося 25 января 1909 г., было отмечено, что в сельской местности необходимо разъяснять правила борьбы и профилактики инфекционных заболеваний. На заседании подчеркивалось, что просветительством подобного характера могут заниматься не только медики, но и представители сельской интеллигенции [2, Л. 88 об.; 3, Л. 23 об.]. Можем предположить, что успех сельских интеллигентов в области популяризации медицины и гигиены был результатом их самообразования. В учебные планы немедицинских образовательных учреждений не всегда были включены подобные дисциплины [18]. Общеизвестно, что в круг чтения педагогов и духовенства входила литература, содержащая информацию медицинского характера, чего практически не встречается в крестьянской среде [4, Л. 96–103; 14]. Скорее всего, такая ситуация способствовала осознанию интеллигентами себя обособленной общностью в деревне, являющейся носителем и распространителем знаний медицинского, санитарно-гигиенического характера.

Распространение сельскохозяйственных знаний сельскими интеллигентами было отличным от их городских коллег видом просветительства. Если для агрономического и ветеринарного персонала эта деятельность была профессиональным долгом, то для учительства и духовенства, чаще всего, добровольным делом. Заметим, что распространенными были организо-

ванные интеллигентами просветительские публичные чтения. Вероятно, это связано с тем, что в сельских поселениях не всегда имелись библиотеки, а в пришкольных библиотеках почти не имелось литературы сельскохозяйственной направленности. В журнале «Алтайский крестьянин» отмечено, что даже если и присутствовала подобная литература, то она «нуждается в пояснении живым словом людей, знающих местные условия, потому что книги <...> для Сибири требуют больших поправок» [16, с. 3]. В такой ситуации представители сельской интеллигенции становились практически единственными распространителями в деревне современных для того времени сельскохозяйственных знаний.

В источниках зафиксировано, что личный пример ведения сельского хозяйства интеллигентами обладал большим образовательным эффектом [7; 8]. Так, интерес у крестьян вызвала учебная пасека при сельской школе, которую курировали два сельских учителя, хорошо знающие пчеловодческое дело [4].

В источниках встречается информация, что отдельные представители интеллигенции настороженно подходили к вопросу о распространении грамотности среди крестьян [15; 20]. В «Своре», художественном произведении, Г. Д. Гребенщиков объясняет поведение таких интеллигентов тем, что они боятся потерять статус единственных носителей грамотности на селе, что «всякий мальчонка» может стать образованнее их [5, с. 317].

Заключение. Отметим, что интеллигенты уделяли большое внимание про-

светительству в рамках своей профессиональной и общественной деятельности. В нашей статье мы сосредоточились лишь на отдельных аспектах образовательно-просветительской активности сельских интеллигентов, в рамках которой наиболее ярко прослеживается проявление идентичности исследуемой социальной общности. Источники свидетельствуют, что сами интеллигенты чаще всего не говорили о просветительстве как о деятельности, способствующей выделению их в особую социальную общность. Однако материалы источников содержат информацию о том, что, сельские интеллигенты, являясь представителями разных профессий, осуществляли образовательно-просветительскую деятельность практически в одинаковых форматах, нередко объединяя свои усилия. В источниках подчеркивалось, что просветительская активность интеллигенции была наиболее результативна в тех случаях, когда сельские интеллигенты подкрепляли объясняемое крестьянам своим личным примером. В процессе образовательно-просветительской деятельности обнаруживался разрыв между представителями интеллигенции и жителями села, что, на наш взгляд, было обусловлено их культурным и экономическим различием.

Судя по материалам источников, выделялись сельские интеллигенты, стремившиеся сохранить традиционные ценности. На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что процесс формирования идентичности сельской интеллигенции в изучаемый нами временной период еще не был завершен.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Академия-Центр: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Государственный архив в г. Тобольске. – Ф. 352. – Оп. 1. – Д. 740.
3. Государственный архив в г. Тобольске. – Ф. 352. – Оп. 1. – Д. 1465.
4. Государственный архив в г. Тобольске. – Ф. 524. – Оп. 1. – Д. 10.
5. Гребенщиков Г. Д. Свора // Чураевы: роман, повести, рассказы. – Иркутск: Сибирское книжное издательство, 1991. – 416 с.
6. Дружинина Ю. В. Сельская интеллиген-

- ция Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: процессы формирования и социальная активность: дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2014. – 254 с.
7. *Зандрок Е.* Пчеловодство в Томской губернии // Северное пчеловодство. – 1896. – № 4. – С. 21–24.
8. *К. М–ч.* Лицом к лицу (о борьбе с эпизоотией в деревне) // Жизнь Алтая. – 1911. – 13 янв.
9. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. А. Ю. Полунов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.
10. *Марцинковская Т. Д.* Проблема идентичности российской интеллигенции [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2008. – № 1 (1). – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 08.01.2019).
11. *Пермитин Е. Н.* Раннее утро // Жизнь Алексея Рокотова: трилогия. – М.: Современник, 1986. – Кн. 1–2. – 736 с.
12. *Природа* и население Алтая // Томские епархиальные ведомости. – 1891. – № 3. – Ч. неофиц. – С. 1–16.
13. *Сабурова Т. А.* Русский интеллектуальный мир / миф: социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия. – Омск: Наука, 2005. – 306 с.
14. *Села* Серебрянского священник Михаил Бекрепв. Два случая врачебной помощи пастыря // Тобольские епархиальные ведомости. – 1886. – № 12. – Ч. неофиц. – С. 220–222.
15. *Сибирское* обозрение // Сибирь. – 1907. – 21 авг.
16. *Современные* назревшие нужды Алтайской деревни // Алтайский крестьянин. – 1913. – № 18. – С. 3–4.
17. *Гусельцева М. С., Кончаловская М. М., Марцинковская Т. Д. и др.* Структура и содержание идентичности российской интеллигенции. – М.; СПб.: Нестор-История, 2012. – 212 с.
18. *Телеграмма* российского телеграфиста // Восточное обозрение. – 1896. – 11 сент.
19. *Ф. К.* Праздничные развлечения // Жизнь Алтая. – 1911. – 23 сент.
20. *Школьное* дело // Сибирская жизнь. – 1913. – 20 окт.
21. *Экштут С. А.* Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 428 с.
22. *Aoshima Y.* Professionals or bureaucrats? [Электронный ресурс]. Pedagogues and the state during russia's great reforms. – URL: <http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/publicatn/acta/25/aoshima.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).
23. *Tajfel H.* Human groups and social categories. – Cambridge, 1981. – 369 p.
24. *Агеев В. С.* Социальная идентичность личности [Электронный ресурс]. – URL: http://anastasiya-shulgina.narod.ru/book_456/book_14.htm (дата обращения: 10.01.2019).

Поступила в редакцию 13.01.2019

Druzhinina Julia Viktorovna

Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. of the Department of Russian and Global History, Institute of History, Humanities and Social Education, Novosibirsk State Pedagogical University, druzok5111@yandex.ru, ORCID 0000-0003-2131-4466, Novosibirsk

EDUCATIONAL AWARENESS ACTIVITY AS A MANIFESTATION OF THE WESTERN SIBERIAN IDENTITY OF THE RURAL INTELLIGENCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX AND EARLY XX CENTURY

Abstract. The problem and the goal. The urgency of the study is due to the lack of special scientific works devoted to the study of the identity of the rural intelligence of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries.

The purpose of the article is to characterize educational awareness activity as a manifestation of the identity of the rural intelligence of Western Siberia at the turn of the century.

The research methodology is based on the theory of identity, developed by psychologists G. Tadzhefel, P. Berger and T. Lukman, which allows determining the mechanism of formation and manifestation of identity in educational awareness activity as a manifestation of the identity of the rural intelligence.

In conclusion, it was noted that during the implementation of educational activities, rural intelligence sought to put into practice their ideas of serving society through activity aimed at raising the cultural level of the rural population of Western Siberia. In addition, it was during the educational activities of the rural intelligence to interact with each other, they realized that they were a special social community, one of whose priorities was not only literacy, but also medical, sanitary and agricultural enlightenment. The author concludes that educational awareness activity was one of the manifestations of the identity of the studied social group, but, in general, the identity of the rural intelligence of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries was still in the process of formation.

Keywords: rural intelligence, identity, educational activities, education, medical, sanitary and agricultural education.

References

- Berger, P., Lkuman, T., 1995. Social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Academia-Center Publ.; Medium Publ., 323 p. (In Russ.)
- The State Archives in the city of Tobolsk. 352. Op. 1. D. 740. (In Russ.)
- The State Archives in the city of Tobolsk. F. 352. Op. 1. D. 1465. (In Russ.)
- The State Archives in the city of Tobolsk. F. 524. Op. 1. D. 10. (In Russ.)
- Grebenshchikov, G. D., 1991. Svor. Churaevs: a romance, novels, stories. Irkutsk: Siberian book publishing house Publ., 416 p. (In Russ.)
- Druzhinina, Yu. V., 2014. Rural intelligence of Western Siberia at the end of the 19th and the beginning of the 20th century: formation processes and social activity. Omsk, 254 p. (In Russ.)
- Zandrok, E., 1896. Beekeeping in the Tomsk province. Northern beekeeping, No 4, pp. 21–24. (In Russ.)
- K. M-h., 1911. Face to face (on the fight against epizooty in the village). Life of Altai, January 13. (In Russ.)
- Manchester, L., 2015. Popovichi in the world: the clergy, the intelligentsia and the formation of modern self-consciousness in Russia. Moscow: New Literary Review Publ., 448 p. (In Russ.)
- Martsinkovskaya, T. D., 2008. The problem of the identity of the Russian intelligence [online]. Psychological studies: electron. scientific journals, No 1 (1). Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 08.01.2019). (In Russ.)
- Permitin, E. N., 1986. Early morning. Life of Alexei Rokotov: a trilogy. Moscow: Sovremennik Publ., Vol. 1–2, 736 p. (In Russ.)
- Nature and population of Altai. 1891. Tomsk diocesan statements, No 3, Iss. non-offish., pp. 1–16. (In Russ.)
- Saburova, T. A., 2005. The Russian intellectual world / myth: socio-cultural representations of the Intelligence in Russia in the 19th Century. Omsk: Science Publ., 306 p. (In Russ.)
- Serebrensky Village Priest Mikhail Bekrpev. Two cases of medical assistance pastor. 1886. Tobolsk diocesan statements, No 12, Iss. non-offish., pp. 220–222. (In Russ.)
- Siberian Review. 1907. Siberia, 21 Aug. (In Russ.)
- The modern urgent needs of the Altai village. 1913. Altai peasant, No 18, pp. 3–4. (In Russ.)
- Guseltseva, M. S., Konchalovskaya, M. M., Martsinkovskaya, T. D. et al., 2012. The structure and content of the identity of the Russian intelligence. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History Publ., 212 p. (In Russ.)
- Telegram of the Russian Telegraph Agency. 1896. Eastern Review, September 11. (In Russ.)
- F. K., 1911. Festive entertainment. Life of

Altai, September 23. (In Russ.)

20. Schooling. 1913. Siberian life, Oct. 20. (In Russ.)

21. Ekshut, S. A., 2012. Daily life of the Russian intelligentsia from the era of the Great Reforms to the Silver Age. Moscow: Molodaya Gvardia Publ., 428 p. (In Russ.)

22. Aoshima, Y. Professionals or bureaucrats? Pedagogues and the state during russia's great re-

forms [online]. Available at: <http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/publicn/acta/25/aoshima.pdf> (accessed: 10.01.2019) (In Eng.)

23. Tajfel, H., 1981. Human groups and social categories. Cambridge, 369 p. (In Eng.)

24. Ageev, B. C. Social identity of the person [online]. Available at: http://anastasiya-shulgina.narod.ru/book_456/book_14.htm (accessed: 10.01.2019). (In Russ.)

Submitted 13.01.2019